

Цинь Шэнсюэ открыл глаза. Тьма почти не мешала ему видеть — лишь мелкие детали тонули в полумраке, не проступая так отчетливо, как при зажженной лампе.

Но разглядеть лицо Сяо Линя сейчас было невозможно: тот уткнулся носом прямо ему в шею.

А полковнику до безумия хотелось посмотреть. И не на то, как щенок сдерживается изо всех сил, балансируя на грани, а на его настоящие, катящиеся по щекам слезы.

«Да и кто бы отказался? Неужели на свете есть хоть один омега, способный устоять перед плачущим альфой?»

Полковник Цинь, во всяком случае, устоять не мог».

Словно в ответ на его мысли, на кожу шеи снова упала горячая, одинокая слеза.

Цинь Шэнсюэ прислушался к ощущениям. Щенок притих. Лихорадочный жар его тела — куда горячее обычного — окутывал полковника, точно живой очаг. Сумасшедший стук сердца все никак не унимался, но сам парень замер, едва дыша.

Он невольно представил выражение лица Сяо Линя в этот миг. Какое оно?

Должно быть, эти изумрудные глаза сейчас блестят от слез...

Полковник Цинь облизал губы. На душе сладостно защекотало.

Зачем гадать, если можно увидеть?

В темноте его золотистые зрачки вспыхнули потусторонним светом — ментальная сила послушно замерла, и время для Сяо Линя остановилось.

Цинь Шэнсюэ зажег свет. Оказалось, рассмотреть парня не так-то просто: щенок прижимался к нему мертвой хваткой, не оставляя пространства для маневра. Впрочем, для Шэнсюэ это не было преградой.

Он едва заметно повел плечами, неуловимым движением расслабляя суставы. Объятия альфы, еще секунду назад казавшиеся стальными тисками, мягко поддались. Без лишней спешки, плавно и грациозно Цинь Шэнсюэ выскользнул из рук Сяо Линя.

Выбравшись, он лег рядом и принялся пристально разглядывать заплаканное лицо.

От долгого, изнурительного воздержания у Сяо Линя поднялся жар. Лицо осунулось, в чертах

сквозила полуобморочная истома.

Красивое, юношеское лицо с безупречными пропорциями. В нем еще читалась легкая, едва уловимая незрелость, но разлет бровей уже был хищным и резким, выдающим врожденное упрямство. А цвет его глаз — чистейшая, глубокая зелень — заставлял даже искушенного Цинь Шэнсюэ мысленно восхищаться.

Но сейчас эта зелень казалась беззащитной и хрупкой. В ней застыла не просто обида или тоска, а нечто куда более глубокое. Страх. Настоящий, животный страх.

Никакой похотливой ярости, никакой агрессии, столь свойственной альфам в период гона. Сяо Линь совсем не походил на обезумевшего самца.

Цинь Шэнсюэ замороженно смотрел на него. Надо же, кто бы мог подумать.

Он протянул руку и едва коснулся горячей щеки. Контроль ментальной силы был ювелирным: остановилось лишь сознание Сяо Линя, тогда как физиологические процессы продолжались. Чувства замерли на той самой секунде, и слезы продолжали медленно катиться по лицу.

Разглядывая его, Шэнсюэ уловил, насколько робким и сдавленным было дыхание парня.

Омега тихо спросил:

— О чем ты думаешь?

В то же мгновение Сяо Линь словно очнулся от оцепенения. Взгляд его вспыхнул целой бурей накопившихся эмоций.

— Мне страшно, — выдохнул он.

Сереброволосый омега прищурился, в его золотых глазах промелькнула искра:

— Чего ты боишься?

— Боюсь не сдержаться. Боюсь, что ты снова меня прогонишь.

Последние слова дались Сяо Линю с видимым трудом. Это был его самый сокровенный, самый глубокий кошмар.

Бороться со звериной природой — задача не из легких. Феромоны омеги действовали убойно: стоило на секунду дать слабину, как инстинкты возьмут верх, и тогда он потеряет его навсегда.

Сяо Линь прекрасно понимал: у него лишь один шанс, в то время как у Цинь Шэнсюэ — бесчисленное множество путей.

Цинь Шэнсюэ посмотрел на него и вдруг улыбнулся — мягко, искренне, явно довольный ответом.

Завоевать любовь альфы для него никогда не составляло труда. Иногда эта легкость даже раздражала.

Но сейчас раздражения не было.

Полковник Цинь с удовольствием смаковал этот момент. Полюбовавшись чужой слабостью, он подался вперед и нежно коснулся губами заплаканных век.

— Спи, — прошептал он. — Во сне страх уйдет.

Сяо Линь послушно закрыл глаза. Его судорожное дыхание постепенно выровнялось, а зажатые мышцы расслабились. Конечно, влияние феромонов никуда не делось — тело по-прежнему горело лихорадочным румянцем, а плотское возбуждение не спало до конца, но парню стало неизмеримо легче.

По крайней мере, улеглось душевное смятение.

Цинь Шэнсюэ скользнул обратно в объятия своего альфы. Точно так же, как он заставлял Сяо Линя учиться сдержанности, он тренировал и себя.

Ощущение того, как чужие феромоны туманят разум, было для него в новинку. Желание поддаться искушению то и дело всплывало из глубин сознания, требуя разрядки.

Его собственное тело бунтовало, но Шэнсюэ не собирался идти у него на поводу.

«Если каждый раз сдаваться, как я смогу вернуться в строй?»

Цинь Шэнсюэ мог смириться с временной передышкой. Пережив первую, мучительную волну абстиненции после отказа от феромонов, он понимал, что его организм пока нестабилен. Временная должность инструктора была разумным компромиссом.

Но превращать игры с альфой в привычку и бездумно предаваться плотским утехам он не собирался.

У него впереди слишком много великих дел, чтобы позволить себе погрязнуть в неге.

Цинь Шэнсюэ лежал с закрытыми глазами, безмолвно борясь с собой в кольце рук Сяо Линя. На душе было на удивление спокойно, но плоть не обманешь.

Его по-прежнему влекло к этому альфе. Животная часть существа требовала обладания, жаждала соития.

Но ничего. Он справится. Он умеет терпеть.

Время в такие моменты тянулось невыносимо медленно. Даже работающая на полную мощность система фильтрации воздуха не справлялась с тяжелым, дурманящим ароматом феромонов, заполнивших спальню.

Это испытание с каждой минутой становилось все тяжелее. Не усни Сяо Линь вовремя, неизвестно, чем бы все закончилось.

Запах альфы раз за разом провоцировал выброс его собственных феромонов. Цинь Шэнсюэ лучше кого бы то ни было знал, насколько сокрушительно его влияние на окружающих. То, что Сяо Линь продержался так долго, уже граничило с чудом.

И если омега дал ему поблажку, то вовсе не из жалости к чужим слезам. Вернее, не только из-за нее. Он прекрасно понимал: его аромат способен свести с ума любого.

Едва рассвело, в дверь нетерпеливо затарабанил Шу Янь.

Цинь Шэнсюэ открыл замок, и на доктора Шу тут же хлынула густая, концентрированная волна скопившихся в комнате феромонов.

Не будь Шу Янь замужним омегой, ему пришлось бы несладко. Но даже с учетом этого его сердце испуганно екнуло.

— Твою мать! Что тут у вас происходит?! — выдохнул он.

Сгорая от смущения, Шу Янь втолкнул друга обратно в комнату и поспешно захлопнул дверь, чтобы аромат не пошел гулять по коридорам. Оказавшись внутри, доктор даже вздрогнул: терпкий, необузданный запах молодого альфы прямо-таки сбивал с ног.

Заметив спящего на кровати Сяо Линя, Шу Янь округлил глаза:

— Черт, черт... Ты его что, до смерти заездил?

—... Мог бы и лучшего обо мне мнения быть, — проворчал Цинь Шэнсюэ.

— Это вполне обоснованные подозрения! — отрезал врач.

К счастью, присмотревшись, доктор убедился, что парень дышит. Напряжение немного спало.

Цинь Шэнсюэ с покрасневшимся лицом устало опустился на диван:

— Осмотри его сначала. Я вколол ему супрессанты.

Шу Янь, не переставая ворчать, натянул перчатки и принялся за экспресс-тесты. Показатели Сяо Линя все еще штормило, но в целом они укладывались в рамки допустимого. Препарат действовал, полное восстановление оставалось лишь вопросом времени.

Убедившись, что жизни альфы ничего не угрожает, доктор повернулся к Цинь Шэнсюэ. И вот тут дела обстояли куда серьезнее.

Полковник буквально горел. Несколько серебряных прядей взмокли и прилипли к вискам, бледная кожа отливала лихорадочным румянцем. Стоило Шу Яню сделать шаг навстречу, как пульс доктора вновь пустился вскачь.

Он бесцеремонно закатал рукав пижамы Шэнсюэ и обнаружил на бледной коже несколько свежих, еще не затянувшихся следов от инъекций. Затем осторожно отвел в сторону серебристые волосы на затылке. Железа тоже была исколота.

Шу Янь едва не задохнулся от возмущения:

— Ты с ума сошел?! Зачем столько колоть?! Такой дозой можно ксеногенного мамонта с ног свалить!

Цинь Шэнсюэ вяло прищурился, явно утомленный:

— Обладай этот мамонт моей генетической сопротивляемостью, я бы лично признал его старшим братом.

Шу Янь подавился словами.

Огрызается — значит, жить будет.

Мысленно взывая к врачебному милосердию, доктор Шу с трудом подавил искушение хорошенько всыпать этому упрямцу. Да и толку с этого? Только ладони отшибешь.

Пусть сейчас полковник и выглядел изможденным, сил у него хватило бы, чтобы свернуть шею

тому же мамонту одной левой.

Шу Янь быстро провел необходимые тесты, а когда узнал, что приятель всю ночь пролежал в обнимку с молодым альфой, изнывая от страсти и не позволив себе лишнего, то и вовсе лишился дара речи.

—... Твою мать, Шэнсюэ, что это за извращенные игры? Тебе доставляет удовольствие так над собой измываться?

Полковник недовольно буркнул:

— С чего вдруг извращенные? Это десенсибилизирующая тренировка!

— Да какая к черту тренировка! — зашипел Шу Янь, понизив голос. — Как можно выработать иммунитет к нейротоксину?! Ты переходишь все границы!

Уникальная генетика Цинь Шэнсюэ делала его феромоны смертоносным оружием. В них содержалась примесь опасного нейротоксина, так что альфы, терявшие от него голову, по сути, подвергались мягкому отравлению.

Эта особенность являлась строжайшей государственной тайной Федерации, известной лишь единицам, включая Шу Яня.

Пусть концентрация яда была ничтожна и не вызывала физиологического привыкания, в сочетании с запредельной силой феромонов и безупречной внешностью омеги она действовала безотказно. Стоило Цинь Шэнсюэ захотеть, и ни один альфа во Вселенной не смог бы противиться его воле.

Так что все разговоры о тренировках были глупостью. От этого влечения нельзя избавиться — оно лишь укоренялось глубже.

Цинь Шэнсюэ поморщился:

— Я вообще-то про себя говорил.

Шу Янь на секунду замялся, а затем снова взорвался:

— Ах, про себя он! Только-только на поправку пошел — и опять за старое?! Решил угробить организм?!

Как близкого друга и лечащего врача, упрямство полковника доводило его до исступления.

Впрочем, разве послушался бы его этот несносный пациент?

Цинь Шэнсюэ проигнорировал нотации и связался с Марком, велел забрать Сяо Линя.

В такие моменты превосходство бета-генетики раскрывалось во всей красе. Войдя в наполненную тяжелыми ароматами комнату, Марк даже бровью не повел. Разве что при виде лихорадочно раскрасневшегося командира его сердце на миг сбилось с ритма, но он тут же взял себя в руки.

Сяо Линя перенесли в соседние апартаменты, чтобы тот мог принять душ и выспаться. Марк остался караулить его до пробуждения.

Глядя вслед адъютанту, Цинь Шэнсюэ завистливо вздохнул:

— Как же хорошо быть бетой...

Будь он бетой, жил бы сейчас припеваючи и горя не знал.

Шу Янь, изучавший показатели на медицинском планшете, скептически хмыкнул:

— Генетический потенциал бет жестко ограничен. Ни одного случая пробуждения ментальной силы среди них не зафиксировано. Неужели ты согласился бы променять свое могущество на тихую жизнь?

— И помечтать уже нельзя? — насупился Цинь Шэнсюэ.

Доктор безжалостно прижал спиртовую салфетку к его вене и набрал пробирку крови:

— Мечтать не вредно. Но бесполезно.

Экспресс-анализ подтвердил опасения: убойная доза супрессантов ушла в пустоту, дав минимальный эффект. Счастье еще, что его не откинуло назад в полноценный период гона, иначе все труды по стабилизации показателей пошли бы прахом.

Глядя на притихшего, обессиленного друга, Шу Янь смягчился. Гнев уступил место сочувствию.

— Раз уж дело дошло до этого... — тихо заговорил он, — почему бы просто не позволить ему пометить тебя? Что в этом такого?

Цинь Шэнсюэ устало прикрыл глаза:

— В этом есть огромная разница. Все, закрой тему.

— Да брось ты, — не унимался Шу Янь. — Я же знаю, к чему ты стремишься. Он способный альфа, курсант военной академии. Заберешь его к себе в отряд, когда придет время, и делов-то.

Цинь Шэнсюэ горько усмехнулся:

— Горазд же ты давать советы.

Но это было исключено. Тащить за собой щенка в самое пекло? Обречь его на верную гибель?

Если во время боевых вылетов враги почуют на нем запах Сяо Линя, мальчишка станет мишенью. Цинь Шэнсюэ привык действовать в одиночку, прорываясь в глубокий тыл противника. Обуза в виде молодого альфы разрушила бы любую операцию. Он даже не собирался всерьез рассматривать такой вариант.

По суровому выражению лица полковника доктор понял, что его слова пропустили мимо ушей. Снова разозлившись, он принялся яростно гремять ампулами, готовя капельницу и не замолкая ни на секунду.

Цинь Шэнсюэ лениво огрызнулся:

— Посмотрел бы ты на себя со стороны. Запишу твою истерику на видео и отправлю Чжоу Цзиню.

— И отправляй! — фыркнул Шу Янь. — Думаешь, я его боюсь?

— Ну все, включаю запись.

— Только попробуй!

Цинь Шэнсюэ действительно мог это сделать, так что оскорбленный в лучших чувствах врач едва не набросился на него с кулаками.

Немного подурочив друга, Цинь Шэнсюэ почувствовал себя бодрее. Одно омрачало радость — он подозревал, что доктор Шу изощренно мстит ему за непослушание: игла капельницы вошла в вену так туго, словно он зашивал грубую кожу.

—... И не лень тебе быть таким злопамятным? — проворчал полковник.

Шу Янь сердито сверкнул глазами:

— Будь твои вены хоть чуточку мягче, мне бы не пришлось так усердствовать!

— Да ладно тебе, обычные вены.

— Они стали еще тверже, чем раньше. Игла буквально соскальзывает.

Полковник удовлетворенно улыбнулся:

— Надо же. Я становлюсь сильнее.

— На прошлом медосмотре такого не было. Придется составить отдельный отчет для руководства.

Цинь Шэнсюэ нахмурился. Снова бесконечные тесты и обследования.

Шу Янь отрегулировал скорость подачи лекарства и, заметив его недовольство, мягко примиряюще произнес:

— Это ради твоей же безопасности. Чем больше у нас данных, тем проще будет помочь тебе в случае чего.

Уникальный организм Шэнсюэ не имел аналогов в медицинской практике. В юности ему пришлось несладко. Шу Янь до сих пор с содроганием вспоминал одну из первых полостных операций, когда шов никак не удавалось наложить. Из-за особенностей физиологии полковник оставался в полном сознании и даже сам придерживал края раны, помогая хирургу.

Дело было не в неэффективности анестезии. В моменты смертельной опасности его первобытные инстинкты брали верх над разумом, блокируя действие любых препаратов и не позволяя организму погрузиться в медикаментозный сон. За превосходство генов приходилось платить нечеловеческой болью.

К тому же, будучи могущественным менталистом, в моменты слабости Цинь Шэнсюэ неосознанно подавлял волю любого, кто пытался к нему приблизиться. Лишь Шу Яню чудом удавалось сохранять самообладание рядом с ним.

Но даже это было полбеды. Организм полковника подбрасывал один сюрприз за другим: медицинские нити растворялись в его крови за считанные минуты, не успевая стянуть края порезов, а металлические скобы отторгались тканями задолго до затягивания ран.

Его тело было сплошной аномалией. Доктор Шу искренне надеялся, что ему никогда больше не придется проходить через этот кошмар.

Он осторожно коснулся лба друга, проверяя температуру. Жар постепенно спадал. Заботливым жестом доктор убрал влажную серебристую прядь с его лица.

Слава богу, сейчас А-Сюэ практически невозможно ранить. Он стал слишком силен.

Цинь Шэнсюэ недовольно поморщился и отодвинулся:

—... У тебя такое лицо, будто ты меня сейчас оплакивать начнешь. Аж передергивает.

—... Не нарывайся, — буркнул Шу Янь.

Раствор медленно поступал в вену. Цинь Шэнсюэ задумчиво разглядывал катетер, а затем аккуратным движением протолкнул начавшую выходить иглу обратно под кожу.

Обратная сторона его эволюции давала о себе знать: реакция отторжения инородных тел стала сильнее.

Шу Янь испуганно охнул:

— С ума сошел?! Осторожнее!

Цинь Шэнсюэ даже не поморщился. Подумаешь, иголка.

— Мне не больно.

— Да при чем тут боль! Ты же вену порвешь! Совсем силу не контролируешь?!

—...

Полковник обиженно отвернулся. Ишь как раскричался. А ведь когда-то этот трусишка со слезами на глазах делал ему перевязки. В те времена он был куда милее.

К моменту, когда флакон опустел, все медицинские показатели полковника пришли в норму. Шэнсюэ так и лучился самодовольством.

«Видал? Как стеклышко!»

В соседней комнате наконец открыл глаза Сяо Линь. Увидев дежурившего у постели Марка, парень от неожиданности вздрогнул.

В следующую секунду щенок торопливо спросил:

— А где... то есть, где инструктор Цинь?

Марк, проявив безупречную профессиональную выучку, вежливо улыбнулся:

— Господин полковник у себя в апартаментах. Хотите встретиться? Могу поинтересоваться, готов ли он принять вас.

Сяо Линь промолчал.

Несмотря на исключительное дружелюбие адъютанта, молодому альфе почему-то казалось, что в его голосе сквозит скрытая издевка. Возможно, говорила обычная ревность, но проверять не хотелось. Да и зачем посредники, когда у него есть прямой контакт с «женой»?

— Не нужно, — буркнул Сяо Линь. — Я спрошу его сам.

Он активировал коммуникатор, но после недолгих колебаний решил не звонить, а отправить текстовое сообщение.

«Я проснулся. Можно мне войти?»

Сяо Линь долго подбирал слова. Написать «жена» он не решился, «инструктор» звучало слишком официально, а назвать его «А-Сюэ» парень просто побоялся — вдруг разозлит? В итоге он решил вовсе обойтись без обращений.

Марк молча наблюдал за его терзаниями. Сяо Линь замер в ожидании ответа, который не спешил приходить, и мужчины принялись неловко разглядывать друг друга.

Марк пытался понять, чем этот юнец сумел зацепить его командира. Ну, кроме смазливой лица, разумеется. Справедливости ради, физические данные у парня были выдающимися — когда Марк перетаскивал спящего обнаженного альфу на постель, масштабы его мужественности невольно внушили уважение.

«Так вот вы какие, альфы королевского класса...»

Неудивительно, что в народе беты считались неспособными удовлетворить омегу.

Но в остальном... Марк не видел в нем ничего выдающегося.

По крайней мере, среди многочисленных высокопоставленных поклонников полковника Циня

этот курсант выглядел самым неприметным. За годы службы Марк так и не сумел разгадать личные вкусы своего начальника.

Сяо Линь тоже изучал адъютанта. Стоило признать, для беты Марк был весьма недурен собой: каштановые волосы, ясные лазурные глаза и ровный золотистый загар. Его фигура сочетала в себе силу альфы и изящество омеги — без излишней маскулинности, но и без намека на слабость. Идеальный баланс.

Такой типаж одинаково привлекал представителей обоих полов.

Вспомнив слухи о бывших помощниках Цинь Шэнсюэ, которые разделяли весьма специфические увлечения полковника, щенок помрачнел. В душе шевельнулась глухая, удушливая ревность.

К счастью, на экране наконец высветился ответ. Короткое: «Заходи».

Сяо Линь мгновенно позабыл о ревности и подскочил с кровати, собираясь броситься к двери. Марку пришлось буквально ловить его за руку, чтобы заставить одеться.

Только сейчас парень сообразил, что на нем нет ничего, кроме простыни. Натягивая брюки, он бросил на бету победный взгляд, в котором сквозило явное превосходство.

Адъютант лишь недоуменно пожал плечами, мысленно окрестив парня чудачком.

Сяо Линь оделся за считанные секунды — армейская выучка Первой академии не прошла даром, а уж ради встречи с любимым он превзошел все нормативы.

Едва он переступил порог соседней комнаты, Цинь Шэнсюэ тепло улыбнулся ему. Лицо Сяо Линя тут же залил густой румянец.

Полковник жестом пригласил его за стол. Пришло время завтрака. Изнурять парня голодом после тяжелой ночи в его планы не входило.

Сяо Линь послушно опустился на стул рядом с ним и только тогда заметил, что они в комнате не одни.

Шу Янь, наблюдавший за тем, как влюбленный альфа не видит никого и ничего вокруг, весело усмехнулся. Повернувшись к Шэнсюэ, он сказал:

— Мою порцию вели отправить в гостевую зону. Поем у себя.

Ну уж нет, развлекать эту парочку и давиться чужим счастьем он не собирался. Куда приятнее позавтракать перед экраном терминала, болтая по видеосвязи с любимым мужем.

Стоило доктору уйти, как Цинь Шэнсюэ тут же принялся дразнить своего щенка.

Он лукаво прищурился:

— Надо же, заплакался и уснул. Какая прелесть.

Сяо Линь совершенно не помнил вторую половину ночи. Он лишь помнил дикую, раскалывающую виски головную боль и то, как цеплялся за остатки самообладания из последних сил. Плакал он или нет — стерлось из памяти. Единственной мыслью было вытерпеть, выстоять любой ценой, иначе его омега уйдет навсегда.

Услышав издевательское заявление, он вспыхнул до корней волос и поспешно возразил:

— Это неправда!

Как он мог уснуть на мокром месте?!

— Почему же неправда? — хмыкнул Цинь Шэнсюэ. — Хочешь сказать, ты не уснул, а просто лишился чувств от слез?

Сяо Линь опешил. Он лихорадочно соображал, какой из вариантов звучит менее позорно, но в конце концов упрямо буркнул:

— Я не плакал.

Сколько он себя помнил, он всегда умел сдерживать эмоции!

— Нет, плакал! — настаивал Цинь Шэнсюэ.

— Не плакал!

— Решил поспорить со своим командиром? — повысил голос полковник.

Сяо Линь тут же прикусил язык. Лишь когда Цинь Шэнсюэ победно фыркнул, он тихо выдавил:

— Нет...

Оставалось лишь догадываться, имел ли он в виду слезы или нежелание перечить начальству.

Появление Марка с подносами спасло его от дальнейших расспросов.

Расставляя тарелки, адъютант невольно покосился на курсанта. Что такого полковник успел сделать с беднягой за пару минут, раз тот сидел пунцовый, точно спелый томат?

При Шэнсюэ Сяо Линь не смел выражать недовольство, поэтому лишь молча дулся, уставившись в стол.

Его терзали смутные сомнения. Вдруг он действительно сорвался и разрыдался, потеряв сознание?

Он ведь и так моложе полковника. Если тот увидел его слабость, решит, что он ни на что не годный слабак.

Пока в голове юного альфы бушевал ураган из комплексов и переживаний, удовлетворенный Цинь Шэнсюэ подал знак Марку.

Адъютанту не требовались слова: уловив мимолетный взгляд командира, он тут же подцепил палочками лакомый кусочек и поднес к его губам.

Сяо Линь решительно перехватил руку Марка с зажатыми палочками и буквально выдавил сквозь зубы:

— Я сам.

Он ревниво посмотрел на Цинь Шэнсюэ:

— Позволь мне покормить тебя.

—... Ну давай, — согласился Цинь Шэнсюэ.

С этими альфами вечно одни проблемы. Ну надо же, устроить сцену из-за пустяка.

Марк едва сдержал смехок. «Пожалуйста, забирай!» — подумал он. Как будто угодить полковнику было простой задачей.

Очень скоро Сяо Линь на собственной шкуре ощутил все прелести капризного характера своего возлюбленного. Прошлой ночью полковник лишь пригубил ужин из вежливости.

Но после изнурительной ночной борьбы его могучий организм требовал колоссального количества калорий. Стол ломился от изысканных яств, а рядом выстроилась целая тележка с разноцветными стаканами свежавыжатого сока.

Конечно, в качестве официанта курсант сильно уступал опытному Марку.

— Да не это! — капризно протянул Цинь Шэнсюэ. — Ты что, никогда такого не видел?

—... Нет, — честно признался Сяо Линь.

Откуда простому курсанту знать деликатесы высшего офицерского состава?

Полковник закатил глаза:

—... Слева. Возьми то, красное блюдо. Хочу мяса!

Сяо Линь послушно выполнил приказ.

— Теперь то, что справа, синее. Это ледяной осьминог. Попробуй кусочек.

Ничего не подозревающий курсант взял другие палочки, подцепил диковинные морепродукты и отправил в рот. В ту же секунду ледяной разряд прошил его до макушки, заставив ощутимо вздрогнуть.

Цинь Шэнсюэ весело расхохотался. Как же забавно разыгрывать этого наивного мальчишку!

Глядя на его искреннюю, счастливую улыбку, Сяо Линь мгновенно позабыл о неприятном холоде во рту.

— Ну же, продолжай. Я все еще голоден.

К концу трапезы глаза Сяо Линя округлились от изумления. Полковник умудрился в одиночку опустошить почти все тарелки и осушить несколько бокалов сока. Когда Цинь Шэнсюэ наконец сыто откинулся на спинку стула, курсант принялся завороченно разглядывать его плоский живот.

Заметив этот пристальный взгляд, Шэнсюэ лениво спросил:

— Что ты там высматриваешь?

Сяо Линь не удержался, протянул руку и мягко коснулся его пресса:

— Куда все это поместилось?

Живот омеги едва заметно округлился, оставаясь практически плоским. Физика здесь явно бессильна.

Шэнсюэ весело фыркнул. Его метаболизм работал на запредельных скоростях, мгновенно расщепляя калории и превращая их в чистую энергию.

— Уже усвоилось.

Сяо Линь понимал, что дело в уникальной генетике, но расспрашивать не стал.

Впрочем, мысль о том, сколько средств потребуется, чтобы прокормить любимого, заставила его задуматься. Придется приложить вдвое больше усердия на службе.

В этот момент в дверь негромко постучал Марк:

— Господин полковник, ваша... ваша меха доставлена. Желаете провести приемку прямо сейчас?

Цинь Шэнсюэ пулей взлетел со стула, его глаза нетерпеливо вспыхнули:

— Разумеется!

Сяо Линь обратил внимание на странную заминку в словах адъютанта. К чему была эта пауза?

Тем не менее он поспешил следом за Цинь Шэнсюэ на посадочную площадку.

В академии они изучали управление боевыми машинами лишь на симуляционных тренировочных капсулах. Увидеть настоящего боевого гиганта вживую было давней мечтой любого курсанта.

Едва они вышли наружу, перед ними предстала колоссальная боевая меха молочно-белого цвета, только что выгруженная из транспортного челнока. Ее силуэт поражал изяществом. Агрессивные и в то же время плавные линии корпуса обещали невероятную маневренность в бою.

Цинь Шэнсюэ принял из рук Марка инфо-планшет, зарегистрировал свои биометрические данные и запустил процесс ментальной синхронизации.

Каким бы мерзавцем ни был Фердинанд Бертон, его инженерный гений не подлежал сомнению. Стоило ментальным щупальцам Шэнсюэ коснуться нейросети машины, как он осознал: перед ним шедевр. Интеграция систем и отклик на мысленные команды были безукоризненными.

Едва полковник подумал о проверке движений, как белоснежный исполин плавно опустился на одно колено и распахнул бронированный люк кабины, приглашая пилота совершить первый запуск.

Сяо Линь стоял, затаив дыхание. Как и любой альфа, он бредил боевыми машинами, мечтая однажды занять место в кабине собственного стального монстра.

Ему безумно хотелось хотя бы прикоснуться к прохладной броне, но он стеснялся попросить об этом сейчас. «Вот закончит пробный запуск, тогда и спрошу», — решил парень.

Но едва Цинь Шэнсюэ скрылся внутри, а многослойный люк с шипением загерметизировался, взгляд Сяо Линя упал на нагрудный щиток мехи, прямо над реакторным отсеком. Там аккуратной лазерной гравировкой была выведена надпись:

****[Тебе. И пусть во всем мире разразится Буран.]****

У Сяо Линя внутри все похолодело.

... И кто, черт возьми, этот очередной ухажер?!

<http://bllate.org/book/18348/1764421>